

вещиков и ученых о Египте в XVIII и XIX вв. Очень интересен очерк о «хождении» Барского в Египет в XVIII в. и воспроизведение александрийского обелиска с рисунка пером, сделанного Барским с натуры. Справедливо замечает И. Г. Лившиц, что поражает точность, с какой Барский сумел передать иероглифы, не зная языка. Хотелось бы, чтобы для большей полноты было приведено и не нашедшее своего отражения в работе Лившица описание Египта русским путешественником Норовым, которое и до сих пор сохраняет некоторое значение.

Очень ценным является воспроизведение мало известных материалов, как, например, «Коптский алфавит в армянской рукописи XV в.» (стр. 228) и страницы из сравнительного словаря Яковича де Мириево (стр. 239). Вообще подбор рисунков сделан хорошо. Они не только дополняют текст, но и знакомят с памятниками, хранящимися в Гос. Эрмитаже, тем более, что некоторые из них публикуются впервые. Такова, например, стела с иероглифами и некоторые папирусы.

Монография о Шампольоне по праву включена в серию «Классики науки». «Среди новаторов науки,— пишет акад. В. В. Струве на стр. 94,— почетное место занимает Ж.-Ф. Шампольон, рассеявший более 125 лет тому назад туман мистицизма, скрывавший веками подлинный облик древнего письма страны пирамид и преграждавший тем самым доступ к сокровищнице одной из мощных культур человечества».

Р. И. Рубинштейн

И. М. ДЪЯКОНОВ, Развитие земельных отношений в Ассирии.
Л., 1949, 152 стр., цена 10 руб.

Вопрос об аграрных отношениях в странах древнего Востока до сих пор изучен недостаточно. Буржуазная историческая наука подходила к этому вопросу с готовым штампом, механически перенося в древневосточный мир обстановку и взаимоотношения западноевропейского средневековья и сопоставляя непонятные или малоизвестные египетские, ассирио-вавилонские и прочие обозначения с общеизвестными и привычными феодальными терминами. Подобные приемы можно проследить у Эд. Мейера, Брестеда, Морэ, Дикманса и многих других корифеев буржуазного востоковедения. Эта модернизация достигает своего апогея в соответствующем разделе общего труда по аграрной истории древнего мира М. Вебера.

Советская наука стремится поставить по-новому вопрос об аграрном строе древнего Востока. Советские исследователи исходят из учения Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина о закономерной смене социально-экономических формаций и рассматривают древневосточное общество как определенную стадию в развитии рабовладельческого общества (примитивное рабовладельческое общество). Основные проблемы социальной истории древнего Востока уже разрешены нашей исторической наукой. Однако до сих пор мы имеем очень мало специальных работ, посвященных детальному изучению аграрных отношений в отдельных странах древнего Востока; мало еще изучены специфические, местные условия каждой из этих стран. Поэтому особенно ценно появление специального исследования, посвященного развитию земельных отношений в Ассирии.

Рецензируемая работа принадлежит перу одного из лучших знатоков ассирио-вавилонского языка и клинописи И. М. Дьяконова и представляет собой переработку его кандидатской диссертации (см. стр. 9). Автор хорошо владеет обширным материалом. Он использует самые разнообразные источники (законы, частнопроводные документы, летописи и пр.). Некоторые ценнейшие памятники впервые даются им в русском переводе (Харранский реестр, иммунитетная грамота Ашшурбанипала). Аграрные отношения Ассирии изучаются на широком фоне социально-экономической и политической истории страны. Автор неоднократно выходит за пределы своей темы и подробно останавливается на анализе социального состава населения Ассирии, на особенностях ее политического строя, на вопросах внешней политики.

Материал в книге распределен по хронологическому принципу. После краткого введения следуют три обширные главы, посвященные староассирийскому (стр. 10—36), среднеассирийскому (стр. 37—79) и новоассирийскому (стр. 80—146) периодам. На четырех страницах заключения (стр. 147—150) подводятся итоги.

Автор сознательно отказывается от изучения обстановки «возникновения и сложения государства в Ашшуре» (стр. 13), указывая на почти полное отсутствие письменных памятников для этого периода, и начинает с рубежа XX—XIX вв. до н. э. (время Илушумы), когда Ассирийское государство уже вполне сложилось и имело уже свои торговые колонии в Каппадокии. Ассирия в это время, по мнению автора, приближалась по своему государственному строю к олигархической республике (стр. 20). И. М. Дьяконов решительно отвергает точку зрения С. Смита, постулирующего изначальность и вечность деспотизма на древнем Востоке. Далее утверждается, что Ашшур был одновременно и государством и сельской общиной (стр. 18; ср. стр. 74 и 147) и, таким образом, являлся коллективным собственником всей обрабатываемой земли. Автор указывает, что уже в это время имело место и отчуждение земли (стр. 22), хотя и в ограниченных масштабах и, вероятно, лишь в отношении приусадебных участков. Очень интересен анализ надписи Иришума I, где, как автору удается доказать, речь идет о массовом переделе земли (стр. 22—26). Землевание было индивидуальным или групповым (большие семьи, стр. 28).

Существовало уже домашнее рабство, но рабы «не составляли особо значительной доли в хозяйстве» (стр. 30). Впрочем рабство характеризуется по документам из ассирийской торговой колонии Канес (совр. Кюль-тепе), а в метрополии «применение рабского труда могло быть более широким», хотя «особо крупных рабовладельческих хозяйств», вероятно, не было (стр. 31). Ассирийское общество в данный период было преимущественно крестьянским. Рабов использовала главным образом простояка торговцев.

Во II главе характеризуются персмены, произошедшие в среднеассирийский период (XVI—XII вв.) После подробного изложения внешней политики Ассирии (роль новых торговых путей, завоеваний и т. д.) автор отмечает усиление царской власти, которая в новых условиях приобретает деспотический характер. Одной из главных причин этого усиления было повышение удельного веса земледелия в экономике Ассирии (стр. 42). Об отношениях внутри ассирийской сельской общины в этот период дает ясное представление ассирийский судебник. В нем содержатся указания на периодические переделы, на особые условия купли-продажи наделов, без нарушения при этом прав и интересов общины (стр. 46—48). Во всяком случае земля вовлекается уже в оборот, о чем свидетельствует ряд купчих. Сельские общины дробятся и слабеют. Появляется ряд поместий (стр. 55). Рабов в этот период в Ассирии еще мало, меньше, чем в Вавилонии (стр. 61), но спрос на рабский труд растет, и в результате появляются различные формы рабского труда. Особенно интересен обычай «оживления», в результате которого спасенные от голодной смерти бедняки оказываются в полной власти своего «спасителя» (стр. 64). Социальное расслоение проявляется еще резче в третий период (XI—VII вв.). Наблюдается массовый увод пленных из завоеванных стран и поселение их в пределах собственно Ассирии (стр. 87, 89 и др.). С другой стороны, коренное ассирийское население (крестьяне-общинники) еще больше, чем в предыдущий период, разоряется, теряет средства производства и попадает в кабалу к ростовщикам. В это время появляется класс земледельцев, напоминающих римских колонатов, прикрепленных к земле, продающихся с землей, но в то же время правоспособных, выполняющих государственные повинности и служащих в армии (стр. 73 и 104; ср. стр. 148). На другом социальном полюсе растут и усиливаются поместья, в частности храмовые поместья, о которых не было отчетливых сведений в предыдущие периоды.

Таковы в общих чертах выводы автора. Безусловно мы имеем в его исследовании много нового и интересного. В особенности ценным является анализ отношений внутри ассирийской сельской общины. Автор убедительно показывает, что эта община не оставалась неизменной, что она с течением времени ослабевала и распалась.

Очень интересно показаны также взаимоотношения царя и храмов на основании имунитетных грамот.

Характеризуя ассирийскую деспотию, автор с полным основанием рассматривает ее не как вечную и неизменную категорию, но, напротив, прослеживает периоды усиления и ослабления царской власти в зависимости от изменений во внутренней и внешней обстановке.

Однако далеко не во всем можно с автором согласиться. Прежде всего совершенно неубедительным является у него отождествление раннего Ассирийского государства с сельской общиной. «Ашшур,— пишет он,— будучи непосредственно и государством и сельской общиной, является коллективным собственником всей земли на территории общины» (стр. 147; ср. стр. 74). Конечно, наличие таких гигантских общин, будь то в Ассирии, будь то в любой другой древней стране, является нереальным. Ассирийское государство, безусловно, выросло в результате усиления классовой дифференциации из союза племен, и внутри этого союза племен существовала не одна, а целый ряд сельских общин. Коллективным собственником земли вначале являлось племя, затем, с усилением царской власти,— деспот.

Ни в коем случае нельзя, как это делает автор на стр. 27, идеализировать общинные повинности, изображая их как «общенародное дело». На самом деле мы тут имеем уже начало эксплуатации рядовых общинников паразитирующей рабовладельческой аристократией.

Нечетко характеризуется также восточное рабовладение. С одной стороны, рабство уже в староассирийский период объявляется типично домашним (стр. 30), а с другой (на стр. 64)—оно внезапно становится патриархальным (и притом уже в среднеассирийский период). Очевидно, автор не представляет себе, что патриархальное и домашнее рабство характерны для разных этапов. Недаром Энгельс отмечал, что древние германцы еще не дошли до домашнего восточного рабства¹, хотя патриархальное рабство у них, конечно, уже существовало.

Наконец, совершенно неприемлема попытка автора перенести колонат в Ассирию VIII—VII вв. до н. э. Правда, автор берет слово колоны в кавычки (например, на стр. 122), но это не спасает дела. Надо помнить, что настоящий колонат характерен для периода кризиса и разложения рабовладельческой системы, а ассирийское общество, даже в последний период существования Ассирии, является еще в основном примитивно-рабовладельческим, хотя и приближающимся постепенно к формам античного рабовладения. Таким образом, ни о какой (хотя бы отдаленной) аналогии с аграрными отношениями поздней Римской империи не может быть и речи. Показательно, что сам автор чувствует неуверенность при характеристике ассирийских «колонов», которых он считает то земледельцами, то рабами, то рабами-земледельцами.

Вряд ли кого-либо убедит следующая характеристика: «закабаление крестьянства приводит к глубокому внутреннему кризису, в результате которого мы наблюдаем в VIII в. до н. э. создание единого класса землевладельцев, сидящего на земле, но лишнего, как правило, средства производства. Этот класс считается рабами, но рабами, обладающими рядом прав, ранее им не присущих» (стр. 148). Поскольку Н. М. Дьяконов считает, что эти «рабы» составляют основную массу населения, то логически получается (может быть, помимо воли автора), что ассирийское общество VIII—VII вв. было более развитым рабовладельческим обществом, чем римское во времена империи, и, следовательно, находилось накануне феодализации (недаром на стр. 108 говорится о каком-то новом качестве!?)

Конечно, все эти вопросы необходимо пересмотреть, и чем скорее автор сделает это, тем лучше. Нельзя разорившихся арендаторов, попавших в лапы ростовщиков и утративших (частично или целиком) средства производства, сразу причислять к рабам. Необходимо пересмотреть вопрос о «продаже» их с землей (что является весьма

¹ Ф. Э н г е л ь с , Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., 1950, стр. 162.

сомнительным). Но прежде всего необходимо избегать смешения эпох. Раз автор твердо признал, что феодализма в древней Ассирии не было (149 стр.), то не следует искать какого-то подобия или суррогата феодализма. Таким образом, вопрос о земельных отношениях в Ассирии не может считаться полностью разрешенным в данном исследовании. Этого отнюдь не отрицает сам автор. В примечании 1 к стр. 147 он пишет: «Конечно, многое в этом очерке остается еще сомнительным или неясным, и предлагаемая точка зрения на историческое развитие ассирийского общества не может считаться окончательной во всех деталях».

Следует надеяться, что в дальнейших своих работах автор пересмотрит спорные и сомнительные пункты своей концепции. Однако даже в теперешнем своем виде его работа, несмотря на указанные недостатки, содержит много ценного материала, ставит целый ряд интересных вопросов, дает яркие и своеобразные выводы и безусловно будет использована не только узким кругом историков древнего Востока, но и специалистами в других разделах исторической науки.

Д. Г. Редер

ГРЕЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ, Эсхил, Софокл, Эврипид. Переводы с древнегреческого под ред. Ф. А. Петровского, ГИХЛ, 1950, 751 стр., цена 20 руб., тираж 10 000 экз.

Изучение античной литературы прочно вошло в программы литературных, филологических, педагогических и театральных вузов, а интерес к этому разделу литературы получил широкое распространение. Таким образом, целесообразность выхода в свет книги, которая содержит хотя бы один из существенных разделов античной литературы, не может возбуждать сомнения.

В рецензируемом сборнике из семи сохранившихся трагедий Эсхила даются четыре: «Прометей» — в переводе В. О. Ниландера и С. М. Соловьева и трилогия «Орестея» в составе трагедий: «Агамемнон», «Хоэфоры» и «Эвмениды», без указания переводчика; из семи полностью сохранившихся трагедий Софокла тоже даются четыре: «Трахинянки», «Царь Эдип», «Эдип в Колоне» и «Антигона» — в переводе С. В. Шервинского; наконец из 18 подлинных драм Эврипида даются тоже четыре: «Медея», «Ион», «Алкеста» и «Киклоп» — в переводе И. Ф. Анненского. Перечисленные переводы заключаются двумя статьями Ф. А. Петровского: 1) «Греческая трагедия» (стр. 685—705), где дается характеристика социально-политической обстановки V в., а также жизни и творчества трех великих трагиков, и 2) «Строение греческой трагедии» (стр. 706—721), где дан обзор хода действия в приведенных трагедиях и указаны их структурные части. В конце книги помещены его же «Примечания» (стр. 722—745) ко всем помещенным трагедиям и «Указатель к примечаниям» (стр. 746—749).

Не вполне понятен принцип отбора произведений греческих трагиков в данном сборнике. В самом деле, чем руководствовались издатели, отдавая предпочтение «Эдипу в Колоне» и «Трахинянкам», например, перед «Электрой» или «Аяксом»? Особенно же произвольность или случайность выбора видна в отношении к Эврипиду: из наиболее знаменитых произведений «трагичнейшего из поэтов» взята только «Медея»; нет ни «Ипполита», ни «Ифигении в Авлиде», ни «Вакханок», ни «Геракла», ни «Электры». При всем своеобразном интересе «Алкесты» и «Иона» по содержащимся в них бытовым чертам, сближающим их с так называемой «новой аттической» комедией, эти произведения никак не могут показать главной силы таланта Эврипида. В статье Ф. А. Петровского (стр. 697) «Ион» назван трагедией показательной для творчества Эврипида. Однако эта «показательность» очень односторонняя, а преимущества «Иона» и «Алкесты» перед другими трагедиями Эврипида никак не объяснены.

Переводы трагедий даны по различному принципу. Объяснения этому мы находим на стр. 704 сл.: «В большинстве случаев диалогические части драм переданы при-